

Значение данных о лице, совершившем преступление, для определения системы и выбора мер уголовной ответственности

Валентина Николаевна Куфлева, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет
Краснодар (350040, ул. Ставропольская, д. 149), Российская Федерация
val_swatch@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6432-9452>

Аннотация:

Введение. В статье рассматривается динамичная природа уголовной ответственности и роль данных о лице, совершившем преступление, в процессе ее реализации. Определены три ключевых этапа ее развития: установление, привлечение и реализация уголовной ответственности. Подчеркивается, что объем и значимость информации о личности достигают максимума именно на заключительном этапе.

Методы. В исследовании использовались такие методы, как анализ, синтез, обобщение, формально-юридический, а также метод толкования норм права и ряд др.

Результаты. Исследование проблем функциональной связи данных о лице, совершившем преступление, и системы мер уголовно-правового характера позволило сформулировать следующие выводы: а) меры уголовно-правового характера составляют систему мер, которые могут применяться только в рамках реализации уголовной ответственности, в связи с чем освобождение от уголовной ответственности не может рассматриваться как часть системы мер уголовно-правового характера, оно является отказом государства от реализации ответственности; б) в отношении лица, совершившего преступление, сохраняющего криминальный уровень опасности, могут быть применены следующие меры уголовно-правового характера: наказание, условное осуждение, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, отсрочка отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания больному наркоманией, освобождение от наказания с применением мер воспитательного воздействия или помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа; в) данные о личности лица, совершившего преступление, отражают широкий спектр его отрицательных и положительных характеристик, среди которых показатели уровня общественной опасности являются ведущими при решении вопроса о необходимости реализации уголовной ответственности и о выборе формы ее реализации.

Ключевые слова:

лицо, совершившее преступление, уголовная ответственность, меры уголовной ответственности, дифференциация уголовной ответственности, меры уголовно-правового характера, наказание, освобождение от наказания

Для цитирования:

Куфлева В. Н. Значение данных о лице, совершившем преступление, для определения системы и выбора мер уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 116–124.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025;
одобрена после рецензирования 31.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

The significance of data on a perpetrator of a crime for determining the system and choice of criminal liability measures

Valentina N. Kufleva, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Kuban State University
149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation
val_swatch@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6432-9452>

© Куфлева В. Н., 2025

Abstract:

Introduction. The article examines the dynamic nature of criminal liability and the role of data on a perpetrator of a crime in the process of its implementation. Three key stages of its development are identified: establishment, bringing to responsibility and implementation of criminal liability. It is emphasised that the volume and significance of information about a criminal reach their maximum at the final stage.

Methods. The study used methods such as analysis, synthesis, generalisation, formal legal analysis, as well as the method of interpreting legal norms and a number of other documents.

Results. The study of the functional relationship between data on a person who committed a crime and the system of criminal law measures led to the following conclusions: a) criminal law measures constitute a system of measures that can only be applied within the framework of criminal liability, and therefore exemption from criminal liability cannot be considered part of the system of criminal law measures; it represents the state's refusal to enforce liability; b) with regard to a person who has committed a crime and who continues to pose a criminal threat, the following criminal law measures may be applied: punishment, suspended sentence, exemption from punishment in connection with a change in circumstances, deferral of punishment, deferral of serving a sentence for a drug addict, exemption from punishment with the application of educational measures or placement of a minor to a special custodial institution; c) data on the personality of a person who committed a crime reflect a wide range of his negative and positive characteristics, among which indicators of the level of public danger are leading in deciding on the need to implement criminal liability and on the choice of the form of its implementation. .

Keywords:

a person who committed a crime, criminal responsibility, measures of criminal responsibility, differentiation of criminal responsibility, measures of a criminal law nature, punishment, exemption from punishment

For citation:

Kufleva V. N. The significance of data on a perpetrator of a crime for determining the system and choice of criminal liability measures // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 3 (107). P. 116–124.

The article was submitted June 18, 2025;
approved after reviewing August 31, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Уголовная ответственность – категория динамическая. В контексте развития уголовно-правового отношения можно выделить несколько этапов ее развития:

1) установление уголовной ответственности, когда законодатель конструирует ее основания, описывая признаки состава преступления в уголовном кодексе;

2) привлечение к уголовной ответственности, когда правоприменитель устанавливает наличие в деянии лица состава преступления и факт того, что это лицо обладает признаками, составляющими предпосылки уголовной ответственности;

3) реализация уголовной ответственности, когда правоприменитель определяет конкретный объем правоограничений, который следует возложить на лицо, привлеченное к уголовной ответственности за совершенное преступление.

На каждом из этих этапов объем данных о лице, совершившем преступление, и их значимость для решения вопросов, связанных с уголовной ответственностью, возрастает. Максимум они достигают именно на третьем этапе. Здесь лицо, совершившее преступление, предстает не просто как субъект права или как субъект уголовно-правового отношения, но как конкретная личность с комплексом характеризующих ее индивидуальных свойств и качеств.

Обозначая необходимые для реализации уголовной ответственности свойства лица, совершившего преступление, законодатель использует термин «личность виновного». Он активно используется в законе, судебных решениях и в научных произведениях. Однако сфера его применения вполне четко ограничена. Он может применяться только для обозначения лиц, признанных виновными, т. е. в отношении которых вынесен обвинительный приговор. Вместе с тем, потребность оценить данные о личности возникает на этапе решения вопроса о реализации уголовной ответственности еще до внесения приговора, в частности, освобождении от уголовной ответственности. В теории нет подходящего термина для обозначения личностных характеристик тех, в отношении кого принимается решение о реализации уголовной ответственности, кроме не вполне благозвучного «личность лица, совершившего преступление». Но именно личностные особенности таких лиц становятся значимыми при выборе судом формы и содержания уголовной ответственности.

Методы

При изучении данных о лице, совершившем преступление, и определении системы и выборе мер уголовной ответственности, применяемых к нему, использовался комплекс различных общенаучных (анализ, синтез, обобщение) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования норм права) методов, способствующий формированию глубокого понимания проблематики.

Результаты

Оценочный и динамичный характер данных о лице, совершившем преступление

Объем данных о личности, совершившей преступление, весьма широк. В целях проведения анализа достаточно будет сказать, что эти данные не ограничиваются только теми, на основании которых можно оценить общественную опасность лица. Такой ограничительный подход может быть пригоден при проведении криминологических исследований и установлении связи личности с системой детерминант преступного поведения [1, с. 16]. Однако в уголовном праве при решении вопросов, связанных с реализацией уголовной ответственности, акцентированное восприятие только негативных свойств личности является недостаточным и недопустимым.

«Лица, оказавшиеся в состоянии конфликта с уголовно-правовым законом, – пишет А. В. Варданян, – в подавляющем большинстве обладают не только негативными, но и нейтральными и даже некоторыми позитивными качествами (например, профессионализм, высокий уровень интеллектуального развития, таланты в какой-либо сфере, отзывчивость и готовность к взаимовыручке и т. д.)» [2, с. 246]. Это дало основание В. Н. Бурлакову для заключения о том, что правильное суждение о личности в уголовном праве возможно только «исходя из соотношения удельного веса социально-положительных и социально-отрицательных свойств», что в структуре личности необходимо выделять два компонента: «1) негативную направленность, которая проявляется в противоправных поступках и определяет общественную опасность личности; 2) позитивную направленность, которая проявляется в материальной деятельности, в социально-политической активности и культурно-бытовой деятельности и определяет социальную ценность личности» [3, с. 31–34].

Судебная практика последовательно исходит именно из такого понимания структуры личности. В решениях судов признается, в частности, что данные о личности являются самостоятельным критерием назначения наказания и не обязательно должны учитываться в качестве отдельных смягчающих обстоятельств¹; что суд вправе учитывать не только положительные характеристики подсудимого, но отрицательные, при том что такая характеристика отражает сведения о личности и не являетсяотягчающим обстоятельством². Пленум Верховного Суда Российской Федерации предписывает, что «к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)³. И хотя вопрос о пределах учета данных о личности является достаточно сложным⁴, в целом нет оснований

¹ Положительные характеристики, состояние здоровья и семейное положение относятся к данным о личности и по закону необязательно подлежат учету отдельно в качестве обстоятельств, смягчающих наказание виновного лица (См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. № 41-АП/19-7 // Справочная правовая система (далее – СПС) КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=581673#YrzRWvUPrsoUZZU> (дата обращения: 10.06.2025)).

² См.: Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 сентября 2023 г. № 77-3902/2023 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=94665&cacheid=D40468F7C2F1359235B177032398A6AE&mode=splus&rnd=L9Hw8g#M18TWvUsNr25ICFJ1> (дата обращения: 10.06.2025); Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2021 г. № 77-2460/2021 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=44873&cacheid=E5E9E32D057E3BC42A84F34A15FF1064&mode=splus&rnd=L9Hw8g#LMTWvU00Sg0yqKPI> (дата обращения: 10.06.2025); Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2022 г. № 77-590/2022 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=61313&cacheid=5FDA643271A727280E3498A48FB144FD&mode=splus&rnd=L9Hw8g#rjXTWvUZjXdDQbo4> (дата обращения: 10.06.2025); Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 13 января 2021 г. по делу № 55-6/2021 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=14653&cacheid=1BE82A8E46740092557B0B788E100854&mode=splus&rnd=L9Hw8g#RohTWvUoEgWDhwkZ> (дата обращения: 10.06.2025); Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2020 г. № 77-809/2020 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=12390&cacheid=EE0B7CBA2FF5D52E6B32E44AE28D27F3&mode=splus&rnd=L9Hw8g#gbuTWvUQtyKzGPc61> (дата обращения: 10.06.2025).

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

⁴ В частности, вызывает серьезную проблему учет данных о личности в качестве основания для ужесточения наказания, принимая во внимание, что согласно буквальному тексту закона (ст. 60 УК РФ), отягчающие обстоятельства учитываются «в числе» данных о личности, а сам перечень отягчающих обстоятельств является закрытым (ст. 63 УК РФ). Еще в 2003 году в своем Особом мнении судья Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононов отмечал: «Учет личности при назначении наказания требует особой оговорки. Уголовный кодекс Российской Федерации не препятствует учету личностных факторов и особенностей для смягчения наказания. ... Перечень обстоятельств, смягчающих наказание (статья 61), не закрыт, что существенно важно. Учет личности в целях усиления наказания имеет жесткие пределы. Справедливость со времен Аристотеля понималась как средство смягчения, а не отягчения закона. Перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является закрытым и не может быть расширен. Кроме перечисленных в перечне (статья 63) обстоятельств, никакие иные данные о личности не могут быть приняты во внимание при назначении более строгого наказания» (Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности

сомневаться в том, что сведения о личности признаются законом, практикой и доктриной существенным элементом мотивировки выбора формы реализации уголовной ответственности.

Важно подчеркнуть, что оценка опасности совершенного деяния и личности виновного, необходимая для реализации уголовной ответственности, для «перевода» обязанности и возможности претерпеть меры государственного воздействия в плоскость реального претерпевания этих мер, не является константной. Специалисты правильно пишут, что «наличие общественной опасности как потенциальной предрасположенности к совершению преступлений в будущем не выступает атрибутивным (непременным) признаком личности виновного как объекта уголовно-правового воздействия. Лицо, совершившее преступление, являясь источником опасности для общества, может полностью или в значительной мере утратить это состояние ко времени рассмотрения дела в суде» [4, с. 233]. Добавим от себя, что изменение оценки опасности и в целом оценки данных о личности может иметь место и после рассмотрения уголовного дела, в процессе отбывания назначенных судом мер ответственности. На этом основана концепция прогрессивной системы исполнения наказаний [5], а также уголовно-правовые институты освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания (включая освобождения от назначения и от отбывания наказания).

Проблемы теории дифференциации уголовной ответственности

В контексте обсуждения вопроса о дифференциации уголовной ответственности и роли данных о лице, совершившем преступление, в этом процессе сказанное заставляет обратить внимание на проблемы построения системы мер уголовно-правового характера, применение которых образует различные формы реализации ответственности. Признавая самостоятельный характер этой темы, отметим лишь два необходимых момента.

Первый связан с определением номенклатуры и систематизацией мер уголовно-правового характера⁵. Если абстрагироваться от частных особенностей, то в науке сформировались две базовые позиции. Одну из них отчетливо выразил И. Э. Звечаровский. Отталкиваясь от того, что меры уголовно-правового характера своим содержанием предназначены менять уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, он пишет, что «изменение уголовно-правового статуса субъекта может быть следствием не только преступного, но и любого поведения, имеющего уголовно-правовое значение (в процессе реализации охранительного уголовно-правового отношения, порожденного фактом совершения преступления)». К такому поведению он относит преступление, а также постпреступное правомерное и неправомерное поведение. Отсюда – и предлагаемый им весьма широкий спектр мер уголовно-правового характера [6, с. 20–21; 7, с. 171–175]. Принципиально иную позицию занимают исследователи, которые, ссылаясь на предписание ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УК РФ), к мерам уголовно-правового характера относят только те предусмотренные законом меры, основанием которых выступает исключительно преступление, но не постпреступное поведение, с соответствующим ограничением номенклатуры таких мер [8, с. 117; 9, с. 74; 10, с. 462].

В этой дискуссии, полагаем, специалисты недооценивают того важного обстоятельства, что постпреступное поведение лица, совершившего преступление, – далеко не однородный

и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3–П // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2003. № 14. Ст. 1302). Эта мысль поддерживается в научной литературе. К примеру, Э. Г. Шкредова пишет, что «отрицательные характеристики личности (например, бездельник), не проявляющие себя в преступном поведении и не свидетельствующие о ее общественной опасности, не должны учитываться при назначении наказания (Шкредова Э. Г. Учет личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания // Журнал российского права. 2016. № 6 (234). С. 135. <https://doi.org/10.12737/19773>). Отчасти разделяет эту позицию и судебная практика, отмечая, что «по смыслу закона признание каких-либо иных обстоятельств, влияющих на наказание осужденного в сторону ухудшения его положения, уголовным законом не допускается» (См.: Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2023 г. № 77–84/2023 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=106114&cacheid=6C79BD322E49F75722CD51685073327E&mode=splus&rnd=L9Hw8g#LM0WWvUhJYw88si4> (дата обращения: 10.06.2025); Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 октября 2024 г. № 77–3987/2024 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=189955&cacheid=4358C894F4E134066F36D12D648DA088&mode=splus&rnd=L9Hw8g#LOLWWvUsBg0YDDKV1> (дата обращения: 10.06.2025); Постановление Президиума Верховного Суда Республики Крым от 7 августа 2019 г. по делу № 44У–131/2019 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=172117&cacheid=FBAC84358E12DD5FB5467E0ED37D7519&mode=splus&rnd=L9Hw8g#VgeWWvUgnnzpnjHU1> (дата обращения: 10.06.2025)).

⁵ Полагаем недостаточно обоснованной «пораженческую» позицию А. Н. Батанова, который в своих публикациях фактически отказывается от разработки общей теории мер уголовно-правового характера, ссылаясь на их многокомпонентный состав. Автор пишет, что меры уголовно-правового характера крайне неоднородны и различаются по основаниям назначения, содержанию, целям применения, процессуальному порядку применения и правовым последствиям. В целом они не представляют собою единую систему, не взаимосвязаны, не могут применяться в комплексе, не дополняют друг друга. Более того, применение одной из рассматриваемых мер прямо исключает применение другой меры (См.: Батанов А. Н. Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 152, 154). Однако эти трудности, на наш взгляд, должны служить не препятствием, а источником развития теории, и при должной интерпретации самих мер вполне преодолимы.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

с уголовно-правовой точки зрения феномен. Постпреступное поведение (как часть сведений о личности) учитывается судом при разрешении уголовного дела по существу, когда обсуждается вопрос о необходимости реализации уголовной ответственности (таковы, например, ситуации учета постпреступного поведения при освобождении лица от уголовной ответственности). Но в то же время оно может быть представлено и в качестве самостоятельного юридического факта, оказывающего влияние на динамику уже возникшего уголовно-правового отношения (например, в ситуациях неисполнения мер или несоблюдения обязанностей, возложенных на условно осужденного).

По этой причине жесткое деление мер уголовно-правового характера на те, что назначаются за преступление или за постпреступное поведение, не вполне корректно. Гораздо точнее будет провести разделение на меры, которые применяются в качестве средства разрешения уголовно-правового конфликта на этапе рассмотрения уголовного дела по существу, т. е. средства регулирования уголовно-правового отношения и определения правового статуса лица, совершившего преступление, с одной стороны, и с другой стороны, – меры, которые применяются в процессе исполнения приговора и служат средством корректировки правового статуса осужденного лица.

Можно, разумеется, поставить вопрос о том, составляют ли вторую из обозначенных групп собственно меры уголовно-правового характера или же это какие-то иные меры. В нашем представлении они должны получить статус самостоятельной группы мер, не относящихся к мерам уголовно-правового характера. Причина тому – не только прямые предписания ч. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 6 и ч. 2 ст. 7 УК РФ, связывающие меры уголовно-правового характера с преступлением и лицом, его совершившим, но и фактическая ситуация, в рамках которой основание применения данных мер является принципиально отличным от основания применения мер уголовно-правового характера. Так, разъясняя нормы об освобождении осужденных от наказания, Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркивает: «Характер и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, в том числе его тяжесть и последствия, не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства или представления, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в статьях 79, 80 и 93 УК РФ, а также учтены судом в приговоре при назначении наказания осужденному»⁷. Что же касается данных о личности, то их учет при решении вопроса об освобождении от наказания ограничивается теми, что проявили себя после осуждения, в процессе отбывания уголовного наказания. Судам необходимо учитывать при оценке поведения осужденного его отношение к учебе и труду, если он проходил профессиональное обучение и (или) привлекался к труду в период отбывания наказания, всю совокупность имеющихся об этом сведений. Как видим, основания корректировки правового статуса осужденного лица не включают в себя сведения, которые были известны и учтены судом при назначении уголовного наказания. Это новая юридически значимая информация, характеризующая лицо и его поведение после вступления приговора в законную силу.

Второй момент, связанный с характеристикой системы мер уголовно-правового характера, состоит в выяснении вопроса об их соотношении с уголовной ответственностью. Здесь высказаны самые разные научные позиции. Н. Е. Крылова пишет, что «иные», отличные от наказания, меры уголовно-правового характера не могут рассматриваться как форма реализации уголовной ответственности [11, с. 9]. Т. В. Непомнящая, напротив, отмечает, что все меры уголовно-правового характера являются формами реализации уголовной ответственности [8, с. 119]. М. В. Гареев⁸, Е. В. Проводина полагают, что меры уголовно-правового характера могут применяться в рамках реализации уголовной ответственности, но могут также и не выступать формами ее реализации [12, с. 158–159; 13, с. 157].

Детальное обсуждение проблемы не входит в задачу настоящего исследования. Однако, исходя из того что ответственность есть реальное претерпевание неблагоприятных последствий, предусмотренных уголовным законом, важно решить: составляют ответственность лишь меры, которые применяются к виновному лицу (следовательно, назначенные лишь по приговору суда) или же она может включать меры, применяемые к лицу, совершившему преступление, вне зависимости от установления его вины, или наоборот, меры уголовно-правового характера включают в себя уголовную ответственность.

Наиболее ярко эта дилемма проявляется при теоретической интерпретации института освобождения от уголовной ответственности. Некоторые авторы, как известно, считают этот институт средством дифференциации уголовной ответственности [14], а освобождение от ответственности – формой его реализации [15]. Другие же, напротив, полагают, что поскольку ответственность всегда требует вины и осуждения, освобождение от ответственности не может восприниматься как форма ее реализации [16]. В этом случае освобождение

⁷ О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7.

⁸ Гареев М. Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 10.

от ответственности [6; 12] либо применяемые при ее освобождении меры⁹ признаются мерами уголовно-правового характера.

Представляется, что введение в уголовный закон категории «меры уголовно-правового характера» не может поколебать устоявшегося в доктрине и на практике тезиса о связи ответственности с виной и, как следствие, с обвинительным приговором суда. Что же касается мер уголовно-правового характера, то их правовую природу, полагаем, удачно определил В. Д. Филимонов. Он пишет, что меры уголовно-правового характера (наказание и иные меры) всегда являются мерами уголовной ответственности. К ним он относит, помимо наказания, условное осуждение, отсрочку наказания и соединенные с освобождением от наказания меры, применяемые к несовершеннолетним [17, с. 112, 123].

При таком подходе освобождение от уголовной ответственности не может рассматриваться в контексте обсуждения вопроса о мерах уголовно-правового характера. Как указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)»¹⁰. В той мере, в какой исключительно государству принадлежит право установления и реализации уголовной ответственности, ему принадлежит и эксклюзивное право при наличии к тому оснований отказаться от этого права. Такой отказ нельзя воспринимать как правовую меру, адресованную лицу, совершившему преступление. Он означает лишь прекращение по воле уполномоченного субъекта уголовно-правового отношения.

На этом фоне, конечно, обостряется вопрос о мерах, которые государство применяет при освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 762 и ст. 90 УК РФ. Не углубляясь в детали его обсуждения, приведем совпадающее с нашей позицией мнение А. В. Ендольцевой¹¹ и иных авторов, которые полагают, что меры воспитательного воздействия могут применяться только в порядке освобождения от уголовного наказания [18], а также общее суждение Н. Е. Крыловой о том, что применение системы «публично-правовых санкций», «структурно обособленных от наказаний», имеющих «уголовно превентивный» характер и назначаемых в отсутствие приговора суда, разрушает в целом уголовно-правовую концепцию и доктрину [11, с. 13, 17]. Действительно, освобождение от уголовной ответственности, выражая собой отказ государства от ее реализации, означает прекращение уголовно-правового отношения. Такое прекращение может быть только окончательным, следовательно, никакие меры уголовно-правового воздействия вне рамок уголовно-правового отношения применяться не могут¹².

Таким образом, можно заключить, что меры уголовно-правового характера, будучи исключительно мерами уголовной ответственности, применяются: а) только как реакция на преступление, а не на постпреступные юридические факты; б) только на основании обвинительного приговора суда. С этой точки зрения мерами уголовно-правового характера, применение которых составляет разнообразные формы реализации уголовной ответственности, следует признать: наказание, условное осуждение, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, отсрочку отбывания наказания, отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, освобождение от наказания с применением мер воспитательного воздействия или помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Взаимосвязь динамики уголовной ответственности и данных о лице, совершившем преступление

По итогам представленных выше рассуждений выстраивается вполне логичная и последовательная схема. Установив в конкретном деле основание уголовной ответственности и убедившись в наличии предпосылок привлечения к ней, правоприменитель, оценивая опасность деяния и данные о личности лица, совершившего преступление, решает два принципиальных вопроса: а) реализацию или нереализацию уголовной ответственности и о форме ее реализации.

На каждом из этих этапов правоприменительной деятельности роль данных о личности совершившего преступление чрезвычайно велика. При этом можно вполне уверенно считать,

⁹ Лаптев Д. Б. Акцессорные меры уголовно-правового характера : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2023. 456 с.

¹⁰ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.

¹¹ Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 13–14, 41.

¹² Если и сохранять институт судебного штрафа либо мер воспитательного воздействия в контексте института освобождения от уголовной ответственности, то гораздо логичнее и перспективней выглядит позиция специалистов, которые считают, что применение таких мер должно осуществляться в рамках механизма, установленного ст. 78¹ УК РФ, не как следствие освобождения от ответственности, а как его условие. Приостановив расследование, правоприменитель может назначить такие меры и если их реализация приведет к тому, что лицо, совершившее преступление, утратит общественную опасность, государство освободит это лицо от уголовной ответственности (См.: Звечаровский И. Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. 2024. № 10. С. 48–49; Пилюк А. В. Уголовное наказание и меры уголовно-правового характера: соотношение и перспективы применения // Судья. 2020. № 8. С. 35–41).

что роль данных о личности обратно зависима от оценки общественной опасности деяния. При совершении преступлений небольшой или средней тяжести (как это прямо следует из положений ст. 75 или ст. 801 УК РФ) сведения о личности имеют существенно большее значение для решения вопроса о реализации ответственности; тогда как при совершении преступлений тяжких и особо тяжких учет данных о личности перемещается на этап выбора формы реализации ответственности и мер уголовно-правового характера.

Общая логика такова, что основанием освобождения от уголовной ответственности признается такое изменение показателей общественной опасности лица, совершившего преступление, которое свидетельствует о нецелесообразности применения к нему уголовной ответственности в любой из его форм. Детально исследовавший вопрос о роли и значении данных об опасности лица, совершившего преступление, в механизме освобождения его от уголовной ответственности П. С. Яни, со ссылкой на позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, правильно пишет, что не только в ст. 75 УК РФ, которая прямо требует, чтобы лицо, освобождаемое от ответственности, «перестало быть общественно опасным», но и в иных статьях закона (ст. 76, 762 УК РФ) основания освобождения от уголовной ответственности требуют учета данных о личности. Это требование «следует из факта наделения правоприменителя именно правом, а не обязанностью освобождать лицо от уголовной ответственности. Потому приведенные обстоятельства, характеризующие виновное лицо, и находятся в области оснований для усмотрения правоприменителя, в ином случае, то есть если бы для принятия решения об освобождении от ответственности было предписано учитывать только формализованные в ст. 75 и 76 УК РФ условия, принятие такого решения следовало бы предусмотреть как обязанность, а не право» [19, с. 27–31].

При оценке данных о личности на этапе решения вопроса о том, стоит ли правоприменителю переходить к стадии реализации уголовной ответственности или же достаточным для достижения задач уголовного права будет освобождение лица, совершившего преступление, от ответственности, надо учитывать несколько обстоятельств:

Во-первых, общественная опасность лица, совершившего преступление, выступает вполне самостоятельной его характеристикой, отражающей как совокупность признаков, приведших к совершению преступления и отразившихся в нем, так и иных признаков, позволяющих делать обоснованные прогнозы относительно дальнейшего правового поведения этого лица в контексте решения уголовно-правовой задачи исправления виновного¹³.

Во-вторых, общественная опасность лица, совершившего преступление, как оценочная и динамичная категория может подлежать ранжированию¹⁴, в связи с чем по аналогии с используемым Конституционным Судом Российской Федерации понятием «криминальная общественная опасность деяния» вполне допустимо использовать понятие «криминальная опасность лица, совершившего преступление», которое призвано подчеркнуть такой уровень опасности, для минимизации которого необходима целенаправленная реализация мер уголовно-правового характера.

В-третьих, введение категории «криминальная опасность лица, совершившего преступление», позволяет уточнить содержание основания освобождения от ответственности. Традиционно считается, что такое основание связано с утратой или снижением опасности лица, совершившего преступление¹⁵. Однако в современных источниках была высказана мысль о том, что «снижение общественной опасности виновного, пусть и существенное, не должно включаться в основание освобождения от уголовной ответственности. ... Если общественная опасность виновного не отпала, то нет сомнений, что цели наказания не достигнуты. Если общественная опасность только снизилась, пусть и существенно, уже сомнительно, что цели того же достигнуты» [20, с. 79]. Этот теоретический спор, как представляется, не учитывает того обстоятельства, что полное отпадение опасности лица может мыслиться только как некая идеальная, гипотетическая ситуация. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях обоснованно указывает, что «прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям само по себе не исключает потенциальную опасность лица, в отношении которого уголовное

¹³ По этой причине едва ли можно согласиться с мнением о том, что «общественная опасность лица, совершившего преступление, отдельно от общественной опасности преступления не существует и существовать не может», что «самостоятельное существование категории «общественная опасность лица, совершившего преступление» противоречит уголовному закону и уголовно-правовой теории» (См.: Ефремова И. А. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки по российскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 7). Такое суждение не основывается на предписаниях закона и не вытекает из анализа современной правоприменительной практики.

¹⁴ На этой основе в науке предлагаются различные типологические построения личности виновного. Последние разработки по этому вопросу в уголовно-правовой науке (См., например: Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 43–49 ; Сверчков В. В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание : монография. Москва : Юрайт, 2025. С. 59–78).

¹⁵ Келина С. Г. Теоретические проблемы освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1976. С. 12–13.

преследование не было доведено до вынесения судом приговора»¹⁶. Следовательно, не абсолютное отпадение опасности, а отпадение «криминальной» опасности, или иными словами – снижение опасности лица до «некриминального» уровня, может выступать основанием освобождения его от уголовной ответственности.

В-четвертых, изменение показателей опасности лица, совершившего преступление, может быть связано как с его собственными позитивными постпреступными действиями (ст. 75, 76, 761, 762, 781 УК РФ), так и с какими-либо внешними обстоятельствами, изменением обстановки (ст. 801 УК РФ). Этот факт необходимо учитывать при решении вопроса о том, заслуживает или не заслуживает лицо, совершившее преступление и утратившее криминальную общественную опасность, порицания со стороны государства. Именно отсутствие связи динамики опасности с собственными целенаправленными действиями лица обуславливает поддержку решения законодателя, который в 2003 году уточнил правовое значение такого обстоятельства, как изменение обстановки, установив его в ст. 801 УК РФ в качестве основания освобождения от наказания.

В итоге, если при изучении всех обстоятельств дела и личности лица, совершившего преступление, к моменту принятия решения о необходимости реализации уголовной ответственности будет установлено наличие трех обязательных условий: а) совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести; б) отпадение криминальной общественной опасности лица; в) наличие целенаправленных действий этого лица к минимизации опасности, правоприменитель принимает решение об освобождении от уголовной ответственности.

Во всех остальных случаях правоприменитель переходит в стадию реализации уголовной ответственности, осуждает виновное лицо и определяет ему адекватную и справедливую меру уголовно-правового характера, выбор которой определяется среди прочего, также с учетом данных о личности виновного. Оценка опасности личности как криминальной, т. е. требующей специально организованного уголовно-правового воздействия, предопределяет здесь факт наличия ответственности, а специфика личности влияет на выбор содержания и формы этого воздействия, составляющий суть дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и мер уголовно-правового характера.

3 заключение

Подводя итоги исследованию проблем функциональной связи данных о лице, совершившем преступление, и системой мер уголовно-правового характера, мы можем сформулировать следующие выводы:

– Меры уголовно-правового характера составляют систему мер, которые могут применяться только в рамках реализации уголовной ответственности, в связи с чем освобождение от уголовной ответственности не может рассматриваться как часть системы мер уголовно-правового характера, поскольку оно являет собой отказ государства от реализации ответственности, прекращение уголовно-правового отношения в случаях, когда при совершении преступления небольшой или средней тяжести опасность лица, совершившего преступление, в силу его позитивных постпреступных действий оказывается ниже уровня криминальной опасности; по этой причине освобождение от ответственности не может предполагать применения к лицу, совершившему преступление, каких-либо мер воздействия (в частности, судебного штрафа).

– Когда лицо, совершившее преступление, сохраняет криминальный уровень опасности и, как следствие, для ее минимизации требуется применение целенаправленных мер воздействия, в отношении него реализуется уголовная ответственность, формы которой определяются применяемыми к нему мерами уголовно-правового характера. К числу таковых относятся: наказание, основное осуждение, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, отсрочка отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, освобождение от наказания с применением мер воспитательного воздействия или помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

– Данные о личности лица, совершившего преступление, отражают широкий спектр его отрицательных и положительных характеристик, среди которых показатели уровня общественной опасности, оцениваемого на момент рассмотрения уголовного дела по существу, являются ведущими при решении вопроса о необходимости реализации уголовной ответственности и о выборе формы ее реализации.

¹⁶ По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 г. № 19-П // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. II). Ст. 4189 ; По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2014 г. № 1-П // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 735.

Список источников

1. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. Санкт-Петербург : Юрический центр Пресс, 2004. 364 с.
2. Варданян А. В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 244–251. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(2\).244-251](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).244-251)
3. Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 238 с.
4. Ивинская Д. С. Формально-догматический подход к разграничению понятий «личность преступника», «субъект преступления», «личность виновного», «личность обвиняемого» // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сборник научных трудов / под общ. ред. О. А. Заячковского. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. С. 229–235.
5. Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. Москва : Городец, 2007. 237 с.
6. Звечаровский И. Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1 (867). С. 19–21.
7. Звечаровский И. Э. Еще раз о мерах уголовно-правового характера // Закон и право. 2023. № 7. С. 171–175.
8. Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 1. С. 114–121. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1\(1\).114-121](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(1).114-121)
9. Андрианов В. К., Лапшин В. Ф., Пудовочкин Ю. Е., Толкаченко А. А. Меры уголовно-правового характера : монография / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. Москва : Библиотека российского судьи (РГУП), 2022. 608 с.
10. Пудовочкин Ю. Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 4 (52). С. 460–472. <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2020-14-4-460-472>
11. Крылова Н. Е. «Иные» меры уголовно-правового характера в законопроекте Верховного Суда РФ об уголовном проступке // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 1. С. 3–20.
12. Гареев М. Ф. Уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность // Юридическая мысль. 2021. № 4 (124). С. 154–169. <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2021.124.4.012>
13. Проводина Е. В. Социальное предназначение иных мер уголовно-правового характера // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 156–160.
14. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности : Теория и законодательная практика : [монография]. Москва : Норма, 1998. 287 с.
15. Сухарева Н. Д. Общеуголовное освобождение от ответственности в российском уголовном праве : монография / науч. ред. А. В. Наумов. Москва : Илекса, 2005. 261 с.
16. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности. Проблемы и пути их решения : монография. Москва : ЮНИТИ, 2004. 231 с.
17. Филимонов В. Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. Москва : Институт Актуального образования «ЮрИнфоР-МГУ», 2008. 249 с.
18. Щедрин Н. В., Никитина Н. А. О правовой природе и перспективах института освобождения с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8 (33). С. 1007–1011.
19. Яни П. С. Назначение судебного штрафа как обязанность суда // Законность. 2021. № 7. С. 27–31.
20. Благоев Е. В. Освобождение от уголовной ответственности (размышления о проблемах и их преодолении) : монография. Москва : Юрлитинформ, 2018. 224 с.